

Любаше, дочери моей, на добрую
память.

Очень прошу тебя: сохрани этот
бесценный дар на долгие годы. Пусть
он ознаменится славной памятью и де-
мису, вашим внуком и правнуком.

Порывая до слез эта память о Великой
Отечественной войне 1941-45 годов и
обо мне, ее солдате, вашем отце и дяде.

Искренне желаю Вам всем только
добра, много счастья и жизненных
удач, доброго здоровья. А еще очень хо-
чу, чтобы Вы никогда не пережили,
и не видели и не слышали того, что
довелось видеть и пережить мне.

9 мая 1990г.

Б.Б.

1944 зог.

Ф.КИРИЧЕНКО

909802

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ 1941 - 1985 ГОДОВ

гор.Ставрополь

О Т А В Т О Р А

Вот уже пошел 46 год с начала дневниковых записей.

Люди, по-настоящему познавшие войну, жившие и не по одному дню в промерзших окопах, отступавшие и ходившие в атаки, могут задать вопрос: "А как это ты, солдат пехоты, командир стрелкового взвода умудрялся на фронте вести подобные записи?" Я отвечу таким людям вопросом на вопрос: "А неужели в условиях настоящей фронтовой жизни было тяжелее сделать несколько предложений дневниковых записей, чем переносить все тяготы и невзгоды войны?" К тому же они производились далеко не каждый день и весьма кратко. Иногда, когда нельзя было сделать запись, делались они и задним числом, но это было весьма редко.

Если чистосердечно признаться, большим толчком к ведению дневниковых записей послужило то обстоятельство, что автор не мыслил выжить в этой войне. В первые уже дни войны было ясно, что эта война будет суровой, тяжелой, самой кровопролитной и длительной. У меня была одна мысль: моя гибель на войне неизбежна. Я еще не знал жизни, ничего не сделал для себя и для Родины. Меня убьют, а какая же память останется отцу, матери, сестрам и братьям обо мне.

Я думал, что когда меня убьют, то непременно вышлют домой мои дневниковые записи, которые и станут памятью обо мне и о войне.

Ведь автор этих строк ушел на войну, когда ему едва исполнилось 18 лет. Его поколение, вступившее в войну, было самым молодым, самым необученным, необстрелянным, без опыта жизни и войны. В основном по этим причинам оно понесло и самые большие потери в войне.

Достаточно сказать, что по данным переписи населения нашей страны за 1970 год в этом году насчитывалось всего лишь 3 % тех, кто ушел воевать в 17-20 лет. Иными словами, чтобы для внуков моих и правнуков было более понятно, из каждых ста человек моего поколения выжило в войне только три, а 97 человек погибли на войне, умерли от ран и болезней уже после войны.

Вот какую цену заплатило мое поколение за победу над фашизмом!

Многие послевоенные годы дневниковые записи хранились и пы-
лились в маленьком личном архиве войны. Потом появилась мысль выбо-
рать из них наиболее существенные, отбросить всю шелуху, несколь-
ко обработать, детализировать по памяти, добавить штрихи из после-
военной жизни и сохранить их, подарить своим детям, внукам и бу-
дущим правнукам, как маленькую память о Великой войне. Иной цели
автор не преследовал.

Возможно, что один экземпляр данных записей подарю и своей
родной школе, из стен которой я ушел на фронт. Не исключено и
то, что эти записи кто-нибудь и когда-нибудь почитает. С интере-
сом ли это будет сделано или без него, судить не мне.

И в заключение скажу лишь о том, что все факты, события и
случаи, отображенные в записях, соответствуют действительности.
Это есть сущая правда о Великой войне без прикрас и какого-то
ни было вымысла. В этом мне кажется главный смысл моих отрывча-
тых, далеко неполных, дневниковых записей.

Ф.КИРИЧЕНКО

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

15 апреля 1941 года

Проводились общешкольные военные игры. Все ученики школы были разделены на "красных" и "белых". Я был часовым у штаба "красных" и пропустил в штаб без пароля своего друга Курочку Ивана. Он оказался "лазутчиком белых". Мне было стыдно.

Старшие, глядя на нашу игру, говорят, что скоро будет настоящая война.

22 июня 1941 года

Во второй половине дня дед Кузя ходил в магазин в лесхоз и принес известие: на нас внезапно напала Германия. На нашем хуторе нет радио, а поэтому мы не слышали известия об этом. Все попритихли. Женщины и старухи плачут. Старики много говорят о войнах, о немцах.

Мои одноклассники ходят петухами, как бы радуясь тому, что теперь и у них будет возможность показать настоящий героизм.

Касьянов Федор, отец пятерых детей, любитель выпить, совершенно безграмотный человек в кругу мужчин сказал: "Я этого гада Гитлера первый заловлю, посажу его в клетку, буду возить по хуторам и показывать людям, собирать за это деньги. Целый день буду возить на себе, а к вечеру выставлю охрану, сам время как следует и лягу отдыхать".

Какова же эта война будет? Долго ли она продлится?

12 сентября 1941 года

Вчера и сегодня проходил медицинскую комиссию в Ростове по направлению райвоенкомата. Зачислен в Морозовское летное училище. Выезд по вызову. Значит, буду воевать летчиком, как и старший брат Михаил. Для начала вроде бы и неплохо.

В школе продолжают пассивные занятия. Много говорят о войне. Нам в ней не везет. Наши отступают. Немцы уже заняли большую территорию.

15 октября 1941 года

Ходят слухи, что немцами взят Таганрог и они подходят к Ростову. Получил повестку о срочной явке в Мечетинский райвоенкомат. Как оказалось, такие повестки получили многие и не только молодежь. Все, кто может воевать в возрасте от 17 до 40 лет мобилизованы в армию.

Уезжали до конезавода на подводах. Когда выехали из хутора на возвышение за плантацией, я невольно бросил прощальный взгляд на Заполосный и подумал: "А вернусь ли я сюда когда-нибудь и вернусь ли вообще?" Было много слез родных и близких. Грустно как-то на душе. Среди моих однокашников не стало шуток, смеха. Они притихли, кажется стали взрослее и серьезнее.

21 ноября 1941 года

Долго шли, плыли и ехали. Шли до Сталинграда, плыли до Ульяновска, ехали по железной дороге до станции Варна Челябинской области. Война взбудоражила всю страну. Видел много эвакуированных, много воинских эшелонов идет на фронт.

Разместили нас по частным домам. Я живу вместе с Ващенко Иваном и Ноздрачевым Петром у одной женщины с двумя детьми. Её муж ушел на фронт в первые дни войны и вскоре погиб.

Ожидаем распределения. Большинство уже уехали. Это те, кто служил уже в армии, имел хоть какую-то подготовку. Остались одни желторотые парни 17-20 лет с образованием не ниже 8-10 классов. Ходят слухи, что всех будут зачислять в разные училища.

28 декабря 1941 года

Зачислен в Тюменское военно-пехотное училище. Выезжаем к месту учебы. Зима здесь злая. Морозы до -40° и больше. Одеты же мы налетке, кто в чем. Больше одеты в телогрейки, им хорошо, а некоторые даже в плащах, осенних пальто, а обуты совсем не по сезону: в спортивки и легкие туфли из парусины. Холодно нашему брату. Все завели уйму вшей. Еще ни разу не мылись в бане. Харч неважный. Худо. Воевать придется в пехоте.

8 января 1942 года

Прибыли в училище. Прошли санобработку. Переоделись в военную форму. Питание хорошее, но и нагрузка не плохая. Вместо двух лет всю программу, хотя и сокращенную, нужно пройти за 6 месяцев. Так, что все калории, приходящие с пищей, сгорают, а поэтому постоянно чувствуешь, что еще бы поел.

Часто вижу во сне дом, родных, рассказываю им о своих мытарствах и радуюсь, что теперь всё позади, но раздается громкая команда: "Подъем!" и всё начинается снова. Однако жить можно и видно всё худо еще впереди.

28 апреля 1942 года

Досрочно, не окончив училище, согласно приказу Верховного Главнокомандующего всё училище без офицерского состава отправляется на фронт. Шли пешим строем от училища до железнодорожного вокзала. День выдался по-сибирски теплым. На улицах много людей. В госпиталях открыты окна, а в окнах полно раненых и кто костылем, кто шапкой, кто газетой, а кто просто рукой приветственно машут, провожая нас, желторотых, на фронт. Вечером отправился наш эшелон в сторону Свердловска.

10 мая 1942 года

Проехали уже Свердловск, Пермь, Киров, Котрому, Ярославль, Рыбинск. В Бологом повернули на юго-запад в сторону Великих Лук. В Осташково встретились с первым ведением войны. Перед нашим приездом туда всего за несколько часов эта станция подверглась бомбардировке. Попал под бомбежку и находившийся там санитарный поезд с ранеными. Зрелище жуткое и потрясающее: немало было разбито вагонов, валялись трупы убитых, оторванные руки, ноги, а кое-где просто части тела... Кучковались ходячие раненые, многие лежали на носилках. Все они поспешно грузились на машины и покидали территорию станции.

Наш эшелон стоял в Осташково всего несколько минут, но их было достаточно для того, чтобы в какой-то мере понять, что такое война?

11 мая 1942 года

Высадились в Торопце. Неподалеку, в лесу формируется 215 стрелковая дивизия, на пополнение личного состава которой и пошло наше училище полностью. Даже были сохранены отделения, взвода и роты, которые были в училище. Я попал в 711 стрелковый полк солдатом-стрелком. Настала опять пора учебы, но формирование идет быстрыми темпами. На пополнение 215 с.д. прибыли бывшие курсанты и иных училищ: Томского, Камышловского, Свердловского...

✓ 7 июня 1942 года

После обеда по приказанию командира взвода младшего лейтенанта Осипова с двумя котелками пошел набрать воды в рядом находившемся болоте. Вода там почему-то исключительно прозрачная, а поглубже и похолодней, наподобие нашей родниковой.

Набрал один котелок, а другим решил зачерпнуть поглубже. Котелок мой за что-то зацепился и я только с определенным усилием начал его вытаскивать. Чувствую и вижу что-то тянется за котелком. Оказалось, что я котелком зацепил за зацеп фрицевского ботинка, а в нем уже разложившаяся фрицевская ступня.

Воду из котелков вылил. Набрал в другом месте, но сам её не пил.

20 июня 1942 года

Дивизия наша совершает какой-то маневр вдоль линии фронта. Среди солдат ходят слухи, что мы должны где-то вступить в бой и помочь нашим войскам выйти из окружения.

Сегодня по лесам в течение дня совершили марш-бросок с полной боевой выкладкой на расстояние более 50 километров. Как это тяжело. Ремень винтовки кажется и не ремнем, а каким-то шпагатом, который хочет разрезать тебя вдоль, как нитка брусочек сливочного масла.

Еще как-то идешь до 50 километров, а потом создается такое впечатление как будто шагаешь босиком по раскаленным углям, а когда ляжешь на землю, то тогда без помощи не встанешь. А тут еще, как назло, на левой голени появились какие-то болячки, которые от пота и грязи вызывают неприятный зуд.

17 июля 1942 года

Подшли довольно близко к линии фронта. Передний край находится примерно в 5-8 километрах. Весь день провели в зарослях кустарника, ничем не занимаясь. Днем хорошо видно, как самолеты бомбят передний край. Бомбят часто и почти весь день. Политрук Дубинин сказал, что это наши дают прикурить фрицам.

По всему видно, что скоро и для нас будет боевое крещение.

18 июля 1942 года

Ночью наблюдали залпы наших "катюш". Велли они огонь примерно в километре от нас. Видны были не только их огневые позиции во время залпа, но и разрывы снарядов на немецкой стороне. Боевые машины, давая залп, казалось, выпускают каких-то огненных змей, а на месте взрыва снарядов было сплошное море огня. Бывалые солдаты говорят, что это термитные снаряды, которые сжигают все на своем пути. Так ли это или нет, но ~~но~~ видно, что это оружие весьма грозное.

20 июля 1942 года

Деревня Капытиха в районе города Ржева... Первое боевое крещение. Каким же оно оказалось внезапным, страшным и бестолковым. Перед солдатами никто никакой задачи не ставил. На рассвете в колоннах повзводно и поротно подошли близко, примерно до 200 метров к переднему краю немцев. И когда немцы нас обнаружили и открыли губительный огонь из пулеметов и автоматов, мы кое-как рассредоточились в цепь и пошли в наступление без какой-либо поддержки артиллерии или минометов. Продвинулись под весьма плотным огнем немцев примерно на 100-150 метров и залегли. Хорошо, что в этом месте наступали и раньше наши и отрыли немало окопов. С восходом солнца появились немецкие бомбардировщики, которые, сменяясь, не покидали нас до темна. Наяву оказалось, что не наши бомбят немцев, а они нас. В перерывах между бомбежками немцы ведут по нас ружейно-пулеметный огонь. Стоит сплошной гул, дым и гарь. Головы не поднять. И не было силы такой, которая снова подняла бы нас в атаку. Мы пролежали перед передним краем немцев до вечера.

Погиб помкомвзвода Шевченко Федор, солдаты: Прохоров, Свиридов, Нечитайло, несколько человек ранены. Это из нашего взвода. Теперь стало ясно, что такое учебные атаки и какие они есть настоящие... Боевое крещение было поистине варварским. Хотя и война в целом является, видимо, ничем иным, как варварством.

10 августа 1942 года

Прошел слух, что наши войска после упорных боев сдали город Ростов. До этого были сообщения по радио о прорыве немцами нашей обороны на Дону. От Ростова до моей родины - рукой подать, чуть больше ста километров. Там отец и два младших брата, две сестры, восемь племянников. Отец - красный партизан гражданской войны, я и еще три старших брата на фронте пока воюем. Судя по всему, туго будет и нам - воюющим и домашним, а душа болит почему-то больше за домашних. То хоть письма родных как-то бодрили, поднимали дух, а теперь все рухнет и превратится в тревожную и тяжелую неизвестность. Неужели непрощенные сволочи не пощадят стариков и детей?

Эх, мне бы что-нибудь посильнее винтовки в руки взять!

✓ 12 августа 1942 года

Пытались форсировать Волгу в районе гор.Ржева. Перед этим саперы несколько ночей делали плоты. В 8 часов утра опять же без артподготовки, без прикрытия авиации начали дружно вытаскивать плоты из прибрежного леса на воду. Наш берег пологий, а занятый немцами - крутой. Всё им, гадам, видно, как на ладони.. Какая-то необыкновенная, настораживающая и страшная тишина. Сели на плоты, поплыли. И только отплыли от берега 40-50 метров, как на нас обрушился шквал ружейно-пулеметного, минометного и артиллерийского огня. Как оказалось, у немцев был пристрелян каждый квадратный метр и реки и прибрежной части.

Всё смешалось в огне, дыму и водяных брызгах. Некоторые раненые уже тонули и зывали о помощи, которую и оказать-то практически нельзя было. Почти все попрыгали в воду, поплыли к своему берегу. Плоты с некоторыми убитыми и тяжело ранеными поплыли вниз по течению.

Когда мы подплывали уже к своему берегу, на нас налетела немецкая авиация. Бомбили противопехотными бомбами, которых не мало сыпалось на наши головы. Поливали они нас и пулетным огнем с бреющего полета.

Не знаю, скольким удалось возвратиться на овой берег, но жернова войны не мало перемололи наших солдат. Я уцелел пока.

✓ 8 сентября 1942 года

Находимся в стабильной обороне у стен города Ржева правее бывшего аэропорта, в лесу. Днем находился на посту: сидел с автоматом на ступеньке у входа в блиндаж, в котором находилось несколько солдат. Солдат Захаров из Ростова поднимается и поспешно сменяет меня. Я только встал со ступеньки, а он занял мое место, как вблизи, попав в дерево, разорвался шальной снаряд. Большим осколком прошло насквозь грудь Захарова и он тут же скончался, не сказав ни слова. Снаряд был единственный, смерть случайной, а по сердцу кошки скребут, как будто я повинен в этом.

15 сентября 1942 года

Три дня тому назад по неосторожности был убит пулеметной очередью командир взвода лейтенант Малюгин. Дело в том, что наш передний край от немецкого находится всего в 150-200 метрах. Против нас у немцев есть ДЗОТ, в котором на ночь они выставляют пулемет и простреливают. Днем убирают его. Когда ночью он стреляет трассирующими пулями, то относительно хорошо видно место его расположения.

Новый командир взвода старший сержант Сеньков все думал о том, а как же наказать фрицев за командира. Сегодня он рассказал нам свой план мести. В час ночи, когда особенно стреляет фриц из пулемета, он взял два расчета ручных пулеметов и 2 ружья ПТР. У меня была винтовка. Мы днем еще выбрали удобные позиции. Ночью их заняли и когда немец в очередной раз дал длинную очередь из пулемета, мы залпом выстрелили по нему. Фриц замолчал, до утра не стрелял, в последующие ночи тоже. Трудно судить, какой урон мы

нанесли фрицам, но факт тот, что отомстили им за жизнь своего командира, остается фактом.

Так отметил я свой день рождения. Сегодня мне исполнилось 19 лет.

27 сентября 1942 года

Сегодня чуть не утонул в затопленном водой окопе и за малым не случилось прямого попадания противопехотной бомбы в мой окоп.

С утра пошел я за завтраком с солдатом на батальонную кухню с термосом за спиной. На обратном пути стали мы переходить одну поляну, как немцы открыли по ней и прилегающему лесу минометный огонь. Огонь был каким-то внезапным и размышлять было некогда. Рядом со мной был окоп, затопленный водой. Я не раздумывая, бухнулся в него, а следом на меня упал и солдат. Солдат тяжестью своего тела давит на термос, термос на меня, а я хлебаю болотную воду, кричу, фыркаю. Благо налет быстро закончился и мы мокрые, но с супом и промокшими сухарями вернулись в роту.

Перед вечером командир роты меня и несколько солдат послал за боеприпасами. Ничего не предвещало вроде бы беды, но только мы отошли примерно километр от переднего края к себе в тыл, как налетели немецкие самолеты и начали бомбить. Слышу летит бомба прямо на меня. К этому времени я был уже стреляный веробей. По случайности оказался окоп рядом. Под Ржевом была изрыта вся земля и окопов было много. Я только упал в него, как грянул совсем рядом взрыв, меня засыпало землей. Гул самолетов стал исчезать, я поднатужился и вылез из окопа. Рядом в 1,5-2 метрах от него была воронка от 50-килограммовой немецкой бомбы.

Видно, счастливая на мне солдатская сорочка была, хотя грязная и вшивая. Спас глубокий окоп, но оглушило сильно.

3 октября 1942 года

На нашем участке фронта относительное затишье. И мы и немцы стоим в глухой обороне. Беда, что нас еще не научила война строить хорошие блиндажи, отрывать траншеи в полный рост, бороться со вшами, которых развелось очень много. Командир взвода младший лейтенант Савельев приказал мне с двумя солдатами ретойти назад

метров 500 в сравнительно сохранившийся лес, насобирать там сухих еловых веток и развести бездымный костер. Как он выразился: "Сделаем сухой банный день". Это означало, что надо снять нательную рубашку и на определенном расстоянии, над пламенем костра подержать её некоторое время развернутой. Таким образом часть вшей погибла. После немытому одеть эту прокопченную рубашку на себя. Однако и такая процедура приносила какое-то облегчение.

12 ноября 1942 года

Меня перевели из пехоты в минометчики (батальонные 82-мм). Видимо, кто-то докопался, что я учился в Тюмени минометному делу. И надо же случиться такому. Только пришел в минометную роту (это 250-300 м от переднего края), как грянул минометный налет на огневые позиции роты. Здесь уже дело, в смысле защиты, несколько лучше. Имеются блиндажи в один накат. Во время налета мина взорвалась на блиндаже и осколок пролетел между бревен и прямо солдату Мерзоеву в грудь. Он лежал в это время на нарах на спине. Так этот осколок угодил прямо в медаль и рекошетом ушел в стенку. Медаль стала, как зубилом выщерблена. Он очень сожалел о порче медали. Многие его уговаривали, говоря, что после войны заменят ему испорченную медаль на новую. А бывалый солдат Мещеряков Тихон сказал: "Зачем тебе менять медаль? Это, если ты уцелеешь, то после войны будет у тебя самая дорогая награда. Она спасла тебе жизнь". И действительно, если не медаль, Мерзоев погиб бы, так как осколок пронзил бы грудь в области сердца.

11 декабря 1942 года

По-прежнему стоим в обороне у Ржева. На рассвете, стоя на посту в траншее переднего края, наблюдал такую картину. Справа, метрах в ста от меня, вылез один наш солдат из траншеи, перекрестился на ходу и ускоренным шагом направился в сторону немцев. Я не знал, что делать и только подумал, что вот теперь, наверное, этот солдат уже отвоевался. Немцы много разбрасывали листовок с призывами сдаваться в плен, обещали сохранить жизнь. Вдруг неподалеку от меня появляется из траншеи другой солдат и выставляет ружье ПТР на бруствер. Он не спеша, тщательно прицелился и выстрелил. Солдат - измен-

ник Родине как бы слегка приподнялся на носки и замертво рухнул на снег. Листовок всяких немцы разбрасывают не мало. А вот любителей сохранить таким образом себе жизнь — только единицы.

17 января 1943 года

Как ни странно, но меня направили на 7 дней в дивизионный дом отдыха. Он расположен в тылах дивизии, примерно в 7-8 километрах от переднего края. Это весьма скромное заведение: несколько уцелевших деревянных домов, где стоят деревянные топчаны, на них матрацы, набитые соломой и простенькие солдатские постели: простыни, одеяла, подушки тоже набитые соломой. Здесь тишина, не стреляют, но главное тепло, да и кормят несколько лучше.

Настоящим же раем является баня. Впервые за 10 месяцев пребывания на фронте помылся в бане, одел чистое белье, пообедал... и проспал без малого целые сутки.

Это кажется каким-то крохотным райским островком среди бушующего океана войны.

21 января 1943 года

Примерно в 700-800 метрах от дома отдыха, в ложине, наблюдал приведение страшного приговора в исполнение.

По приговору военного трибунала был расстрелян один наш ефрейтор за попытку изменить Родине.

Как же строги, суровы и неумолимы законы войны! Да и без них, видимо, вести такую войну невозможно.

Картина расстрела — удручающая. Она заставляет над многим задуматься, кое-что переосмыслить, дать иную оценку.

Думаю, что это самое страшное для каждого человека, его семьи, родных и близких.

Нет, уж лучше погибнуть на поле боя!

25 января 1943 года

Вернулся на передний край после "дома отдыха". Сегодня наш батальон делал разведку боем. Как объяснили: с целью выявления огневых средств немцев и захвата ценного языка. Бой был коротким, но потери немалые. Когда ворвались в траншею немцев, то сам не понял, откуда и как навалился на меня здоровый, сильный и ловкий

фронт. Он сзади схватил меня за горло и начал душить. Схватил мертвой хваткой и был бы мне наверняка конец, если бы, как потом выяснилось, ни сибиряк-медвежатник Печорин Василий "не приласкал" его по черепу прикладом. Он как-то сразу обмяк и опустил руки. Удар был настолько сильный, что приклад проломил череп. Пронесло и на этот раз. Спасибо тебе, добрый и мужественный солдат! Буду просить командира роты о представлении его к награде. Потом стало известно, что он ни одному фрицу своротил голову.

Захватили и какого-то паршивого "языка", который кричал всё время, пока его тащили через нейтральную полосу. Орал, как заяц, пойманный лисой. Видно, этот фронт из заячьей породы.

7 февраля 1943 года

"Язык", захваченный нами, ничего толкового не дал, а поэтому командование решило послать за новым "языком" разведчиков. Перед нами стояла задача при необходимости прикрыть их огнем. Пошли в "гости" к фрицам семь наших разведчиков во главе с лейтенантом. Еще на нейтральной полосе двое из них подорвались на немецкой мине. Немцы всполошились. Разведчики вернулись без "языка".

22 февраля 1943 года

Ходил в штаб батальона за почтой. Такое поручение было как бы поощрением: солдат первым мог получить свое долгожданное письмо из дому от родных, близких, любимой девушки. Всё шло как надо. Я уже возвращался в роту, как вблизи разорвались 2-3 мины, но тут же всё стихло, пошел дальше. И вдруг мина со свистом летит прямо на меня. Прятаться — некуда, я тут же упал на заболоченную землю. Что-то с силой плюхнулось рядом со мной, обдало меня мхом и грязью, но разрыва не последовало. Я боялся встать, так как думал, что обязательно последует взрыв, но его не было. Не знаю, сколько я пролежал на животе вниз лицом, но потом с дрожью в ногах и замиранием в сердце привстал и увидел буквально в метре место падения мины. Мина не взорвалась. Я вначале на носках, а потом бегом покинул это место. Пронесло.

2 марта 1943 года

Ночь прошла как-то подозрительно тихо. Почти не было стрельбы и даже мало немцы пускали осветительных ракет. Утром стало известно, что немцы на нашем участке оставили свои позиции и покидают Ржев.

Саперы быстро сделали проходы в минных полях и мы двинулись вперед без боя. Прошел я мимо того изменника-солдата и подумал: "Ты лежишь засыпанный снегом и никому ненужный, а я вот иду еще вперед, живу, воюю. Может еще дойду и до Победы, а ты, изменник, лишь принес горе, позор и слезы своим детям, родным и близким.

К вечеру был освобожден Ржев. Дальше немцы везде начали составлять свое прикрытие, которое доставляет нам немало хлопот, особенно ночью. Они устраивали засады на пути отступления, минировали ^{улицы} дороги, ставили ^{ямы} мины-ловушки.

✓ 10 марта 1943 года

Продолжаем наступать. Немцы отступают планомерно по 5-10 километров в день. Днем уже пригревает солнце, подтаивает снег. Мы в зимней форме одежды, в валенках, а это плохо, особенно по ночам. Днем проталины, снег с водой, промокнешь до костей, а ночью должен под носом у немцев закапываться в это месиво и ждать утра. По ночам бывают еще морозы, всё на тебе обмерзает. О том, чтобы обогреться, обсушиться и речи быть не может. А утром снова вперед. И так изо дня в день. На рассвете чуть не смалодушничал и не покончил жизнь самоубийством. Уже зарядил пистолет и пристроил его к виску, а потом и сам не знаю, как и где я взял силы, чтобы не нажать на спусковой крючок и разрядить пистолет. Происходило это в каком-то бреду.

Весь день был, как шальной, но никому не сознался в этом.

Как тяжело на войне! Какой это каторжный труд и невыносимые условия жизни! Какую силу воли и какое мужество требует война от солдата, несущего на своих плечах основную тяжесть этого еще небывалого в истории человечества великого побоища.

14 марта 1943 года

Вступили на территорию Смоленской области. Освободили с боем одну деревню неподалеку от райцентра Сычевки, в которой всё буквально сожжено. Стоят лишь трубы от печей, да искореженные войной деревья. За околицей села, на обочине дороги обнаружили обнаженный, полусожженный труп девушки. На её теле много пулевых пробоин, видно от автоматной очереди. Политрук Дубинин остановил роту возле трупа и произнес речь. Он призвал солдат к мести за поруганную нашу землю, за издевательства над советскими людьми.

18 марта 1943 года

Не верил и считал это за солдатскую байку, что человек может на ходу спать. Да, идти и спать. Сегодня наблюдал это своими глазами. Ночью преследовали отступающих немцев, чтобы не дать возможности им закрепиться на промежуточном рубеже. Не спим уже почти трое суток. Идем походной колонной по проселочной дороге. Ночь на исходе и скоро должен быть рассвет. Борьба со сном невыносима. Солдаты идут медленно, понуро опустив головы и почти все спят. Многие из них держатся за шинели, ремни и винтовки соседей. Кое-кто из солдат, зацепившись за какую-то кочку, падает и тогда на него и около него падает несколько солдат, просыпаются, снова в строй и снова вперед.

А вот один солдат оторвался от строя и пошел в сторону. Идет и спит. Прошел он метров 8-10 от колонны в сторону и зацепившись за что-то, упал. Проснулся и бегом в строй. На рассвете остановились в небольшом лесу на привал. Мороз, видимо, градусов 10, метет поземка. Солдаты попадали там, где стояли и уснули. Я с заместителем командира минометной роты старшим лейтенантом ТАРАНЦОМ никого не смогли поднять, чтобы выставить на пост. Пришлось с ним нести охрану более двух часов. Походная кухня с готовым завтраком тоже ждала, пока "солдаты поспят".

8 апреля 1943 года

Наше наступление выдохлось. Передовые части ушли вперед. Тылы, в силу весенней распутицы, намного отстали. Снабжение продовольствием и боеприпасами резко ухудшилось. Перешли к обороне

в 5-7 километрах восточнее Ярцева. Роем траншеи полного профиля, врываются в землю, как кроты. Научились ценить землю-матушку не только как кормилицу, но и как спасительницу свою. По всему видно в обороне простои не один день. У немцев здесь оказался заранее подготовленный оборонительный рубеж.

Из-за недоедания у некоторых солдат появилась куриная слепота.

Все буквально включены в работу по сооружению обороны. Это тяжелая изнурительная земляная работа. За одну ночь нужно вырыть 10 метров траншеи в полный рост одному солдату. Такую норму никто практически не выполняет, а поэтому каждый старается в течение ночи выкопать траншею глубиной хотя бы 70-80 сантиметров с тем, чтобы кончить её днем. Затем уставший и изможденный, голодный падаешь тут же в траншею и засыпаешь мертвецким сном. Вечером получаешь новые 10 метров траншеи. И так изо дня в день.

25 апреля 1943 года

Весна вступает полноправной хозяйкой в свои права. Уже тепло, подсохли дороги, стали зеленеть луга и озимь, небольшое поле которой находится на нашей стороне рядом с передним краем.

Незамедлительно улучшилось и снабжение продовольствием, ликвидированы ограничения и на боеприпасы. Наш брат солдат подправился, приосанился, стал чувствовать себя бодрее. В обиход снова пошла сатира солдатская, веселая и умная шутка. Это всё бодрит солдата.

Как мало всего нужно Солдату-Человеку на войне!

7 мая 1943 года

Сегодня был исключительно теплый и ясный весенний день. Такой же была и ночь. Немцы что-то присмирели, не стало у них прежней ярости и уверенности. И днем и по ночам и не подному часу на переднем крае наблюдается полное затишье, от которого иной раз даже как-то тревожно становится. Возможно это и есть затишье перед бурей.

Вот уже больше года не слышал, как поет петух, как лает собака. Ночью на немецкой стороне (на нашей - деревни разрушены, а живность уничтожена ими) где-то в глубине обороны слышался собачий лай. Я долго сидел на бруствере и внимательно слушал его. Мне

кажется, что этот лай собак я слушал с большим вниманием, чем совсем недавно я слушал дома трели соловья или задорные песни хуторских девчат.

Как-то невольно вспомнился дом, родные, друзья, пёс Тузик... и такие же тихие, теплые и ясные ночи "Тихого Дона". Словно просмотрел рекламный ролик кинофильма о своих, весьма еще немногих прожитых годах, а в эти годы только и успели вложиться детство, юность и война. Мало, очень мало...

28 мая 1943 года

В один час 20 минут ночи вышел из блиндажа проверить посты. Недоходя немного до первого поста, услышал довольно частые и организованные выстрелы со стороны немцев, тут же раздался шквал и грохот от разрывов снарядов и мин. Эпицентр огня приходится по нашему переднему краю.

Выскочил из блиндажа командир минометной роты. Отдельные наши пехотинцы оказались уже на наших огневых позициях. Огонь немцев перенесен в относительную глубину нашей обороны. Послышалась пальба из автоматов и пулеметов, бранная немецкая речь. Немцы быстро овладели частью нашего переднего края и двинулись на позиции нашей роты, где встретили организованный отпор из стрелкового оружия. Они тут же перебежками начали отходить назад. Как внезапно бой начался, так и закончился.

После стало известно, что это была разведка боем. Немцы увели нашего одного сержанта.

27 июля 1943 года

Все готово для наступления на нашем участке фронта. Вызывали в штаб полка, где предложили пойти учиться на армейские курсы младших лейтенантов. Я дал согласие. Сказали жди, вызовем. Ожидается большое наступление с дня на день.

3 августа 1943 года

Наши соседи слева перед самым вечером проводили разведку боем. Взяли офицера - "языка". При отходе на свои позиции немцы неожиданно контратаковали их. Готовясь к наступлению, наша рота заняла

огневые позиции впереди пехоты. Нейтральная полоса позволяла это сделать. Делом случая я остался старшим в роте. Командир роты старший лейтенант Таранец находился на командном пункте батальона и дал оттуда команду открыть огонь по контратакующим немцам. Мне ничего не оставалось делать, как выйти вперед огневых позиций и стать в створе между ними и контратакующими немцами. Пристрелка была произведена быстро и точно, а беглый огонь роты заставил немцев вначале залечь, а потом еще и возвратиться в свои траншеи.

Представлен к первой боевой награде - Медали "За отвагу".

22 февраля 1944 года

На рассвете своим стрелковым взводом в составе роты занял исходные позиции для наступления. Ровно в 8-00 пошли в атаку без артподготовки. Примерно в 100 метрах перед передним краем немцев нужно было форсировать небольшую речку с крутыми берегами. Немцы вели малоэффективный огонь из стрелкового оружия. Взвод наступал ровной цепью, короткими перебежками. У самой речки - небольшой холм, при преодолении которого немец без промаха поражал бойцов. Уже один убит, двое ранены. Какое-то замешательство в цепи наступающих... Решил вдохновить их личным примером. Удачно пробежал холм и сходу прыгаю в речку. Фашист, видимо, мастак в стрельбе и я на лету получаю страшный удар в предплечье. Уже на речке, во время перевязки, вижу страшную отметину от разрывной пули. Она прошла в 3-4 сантиметрах впереди от сердца, взорвалась на вылете в руке и вырвала почти половину мышцы предплечья.

Приказал своему помкомвзвода старшему сержанту Игнатову продолжать атаку. Наши сравнительно легко овладели передними траншеями немцев. С левого фланга наступление не имело успеха. Оттуда хорошо простреливалась занятая нами местность и несколько раненых, пытавшихся пройти к санитарному батальону, были убиты. Я с другими ранеными пробыл на льду речки до вечера. Во время артобстрела один снаряд упал и взорвался буквально в 5 метрах от меня. Сильный удар получил в левую ногу. Такое было впечатление, что её у меня оторвало. Только некоторое время спустя, я понял, что ударило меня куском льда. Спасло то обстоятельство, что

снаряд был фугасным и взорвался на дне речки подо льдом. Сильно промерз, так как нательную рубашку использовал для перевязки раны. Свой санитарный пакет ранее отдал тяжелораненому. Пролежал весь день на льду в меховом жилете на голое тело с наброшенной на плечи шинелью.

С наступлением темноты с помощью старшины добрался до санбата. Очень кстати оказались "боевые сто грамм". В эту же ночь был оперирован. У хирургов работа, видимо, идет круглосуточно.

✓ 2 марта 1944 года

Наш санитарный поезд прибыл в Москву ночью и остановился на каком-то вокзале. Раннее, ясное морозное утро. Метрах в 150 от нашего вагона продпункт. Сосед по полке, имея три талона на обед, предложил мне и еще одному раненому пойти пообедать. Мы согласились. Вышли из вагона в одних гимнастерках. Паровоза возле нашего состава не было. Рысцой добежали до столовой. Пообедали. Вышли из столовой, а поезда нет. Двое из нас ни разу не бывали в Москве, а третий был всего один раз и то проездом. У коменданта узнали, что наш поезд отправлен на Курский вокзал. Ехали туда трамваем, в прицепном, открытом всем ветрам вагоне.

Вначале, чтобы хоть как-то загородить нас от пронизывающего ветра, ехавшие на работу девчата обступили нас плотным кольцом. Потом видя, что мы зуб на зуб не попадаем от холода, начали снимать с себя замасленные фуфайки и одевать ими нас. Сопротивления наше в счет не бралось. Сколько добра, внимания и заботы было у этих людей! Всё они нам объяснили, всё рассказали.

Догнали мы свой санпоезд только в Серпухове. Он стоял у платформы и разгружался.

30 апреля 1944 года

Я вновь в Москве. Еду снова на фронт. Выехать из Москвы почти невозможно. Военными забит весь Белорусский вокзал. Был у военного коменданта, который ответил: "Помочь ничем не могу, продовольственный паёк в Москве будет выдаваться только три дня".

По выходу из его кабинета, и сам не знаю почему задержался на последней ступеньке перед первым этажом и подумал: "А встанут ли еще когда-нибудь мои ноги на эту ступеньку?"

Посоветовавшись, наша группа офицеров из госпиталей решила ехать в сторону Смоленска пригородным поездом Москва-можайск. При посадке вагон брали штурмом, но из Москвы выехали. Может когда-то и кому-то покажется это смешным и несерьезным, но это есть неоспоримый факт.

1 мая 1944 года

С большим трудом добрались до Смоленска, который совсем разрушен. Продали одну шинель, купили бутылку водки, хлеб и 200 граммов масла. Ушли на берег Днепра, где все съели и "от пуза" выпались. К вечеру поехали дальше в направлении Орши на попутных машинах. Было еще прохладно и хорошо чувствовалось, что не хватает одной шинели.

20 июня 1944 года

Стоим во втором эшелоне обороны под Оршей. Ночью были учения, а лейтенант Синельников и младший лейтенант по национальности цыган (оба из резерва полка) прогулялись с девицами полка всю ночь, за что получили по месяцу штрафного батальона. Думаю, что эта кара слишком тяжелая.

Мне и старшему лейтенанту Лызину было предписано сопроводить их в штрафбат в район Смоленска. У осужденных была солидная сумма денег, а у цыгана еще и гармонь. Они нас уговорили погулять пару дней в Смоленске, что мы, вопреки всем положениям и сделали. Покутили хорошо. Цыган даже продал свои хромовые сапоги, гармонь взял на плечо и с достоинством прошел через контрольный пункт штрафбата. Эх, хлопцы, хлопцы, что вас ждет! Перекрестятся ли наши дороги где-нибудь еще?

По-дружески распростились с ними и в ночь уехали на фронт. Нужно было торопиться, дабы самим не попасть в штрафной батальон. На войне не шутят. Война имеет свои суровые законы и сполна руководствуется ими.

26 июня 1944 года

Несколько дней шли ожесточенные бои за Оршу. Я со старшим лейтенантом Лызиным, как говорят, попал сразу с корабля на бал. Несколько дней выполняли отдельные поручения штаба полка в основном по поддержанию связи с наступающими батальонами.

В 15 часов в составе "сводного войска" (офицеры резерва полка, штаба, связисты, часть солдат тыла) под командованием помощника начальника штаба полка капитана Прокофьева участвовал в бою по овладению Безымянной высотой северо-восточнее Орши. Брли высоту без артподготовки. Подошли к ней скрытно по высокой ржи и внезапно с двух сторон атаковали её.

Поскольку оборона немцев уже была прорвана, а высота находилась у нас в тылу полка, немцы упорного сопротивления не оказывали. Однако в бою за высоту погиб капитан Прокофьев и четыре солдата. Несколько человек были ранены.

Часть участников взятия высоты представлена к награде. Представлен вроде бы и я.

3 июля 1944 года

Получил письмо из дому. Пишет младший брат. В общем дома дело по военным временам терпимое: трудятся много, порой бывает и голодно. Главная же новость состоит в том, что мои однокашники по школе Андреев Василий, Пивоваров Виктор, Карпенко Владимир, Замковой Федор, Дураков Василий уже погибли на фронтах Отечественной войны. Остались пока в живых из моих односельчан-однокашников: инвалид войны Пятинов Василий, отважный разведчик Носачев Григорий и я. Неужели никто из нас не выживит в этой великой и страшной войне?

7 июля 1944 года

Получил письмо от фронтового друга Носачева Григория, который сообщает о его гибели. Погиб он случайно. Во главе своих разведчиков он уже возвращался к своим с "языком". Когда уже покинули расположение немцев и скрылись в довольно глубокой ложине, где не страшен был огонь немцев из стрелкового оружия, немцы по ним открыли минометный огонь. Одна мина разовалась рядом с Григорием, который сопровождал с разведчиком фрица. Григорий был